г. Москва
Дни московских Театров
19.1.88

Заметки о театральном сезоне

В ГОСТЯХ И ДОМА

Так что же происходит на театре?

В то время, когда театральный эксперимент предоставил право работать, не опасаясь запретов, окриков и жесткой опеки со стороны вышестоящих инстанций; когда улучшаются условия существования творческих работников, в том числе и их материальная обеспеченность; когда во главе всего дела стал общественный выборный орган, состоящий из талантливых и авторитетных художников-коллег, — Союз театральных деятелей,— критика единодушно отмечает отсутствие на сцене сколько-нибудь значительных событий. А одновременно на-за рубежа приходят сведения об огромном успехе там наших спектаклей. Дни московских театров в Монтене, гастроли МХАТа в Японии, Таганки в Испании, студий А. Васильева в ряде западных стран, О. Табакова в Штутгарте, Вильнюсского молодежного в Болгарии, а теперь и в США — всюду овации и восторженные статьи, в которых встречаются и такое, для нас уже все-все непривычное: молодую актрису сравнивают с Джульетой Мазиной, режиссера — с Питером Бруком... И везде, как писали в Монтене, рефрен один: «Спасибо искусству Станиславского!».

Как тут нашу постановщику и исполнителю удержаться от восхищения — «Нет пророка в своем отечестве!». Успех, где бы он ни настигал художника, всегда успех, со всеми вытекающими отсюда мыслями, эмоциями, последствиями. Эмоции могут быть самыми радужными. Мысли — самыми разными. Последствия — самыми неожиданными. И успокоенность — как раз одна из таких неожиданностей. Как-то вдруг оказывается, что успех сопутствует чуть ли не каждому спектаклю, взмаженному за рубежом. Во всяком случае мы, естественно, хотим предъявить и предъявляем в основном положительные отклики на гастроли. Таких отзывов действительно больше.

Многие похвалы, конечно же, соответствуют высокому уровню постановок, гражданская мысль которых, весь духовно-нравственный настрой оказываются открытыми для иных далеких зрителей. Многое в успехе — от сегодняшнего пристального внимания к нашей стране, к тем переменам, что происходят в ней,— в этом случае иные отрезки как бы прощаются театру, коль скоро он говорит о политических острых темах своего дня. А бывает, и фестиваль в Монтене тому тоже свидетель, когда зал заполняется русскими эмигрантами, ностальгия которых по утерянной родине обеспечивает радостный эмоциональный прием постановке.

Словом, триумф нашего театра за рубежом о многом заставляет задуматься. И прежде всего о том, что коли уж вышло наше сценическое искусство столь широко на международную арену, волей-неволей приходится вспоминать, что легче завоевать любовь, чем удержать ее. Ведь если от заграничных праздников вернуться к текущему театральному дню, к рабочим будням, то нетрудно заметить, что продолжить и развить многие очередные достижения нашей сцене пока не слишком удается.

По сути своей театральный сезон 1987/88 г. завершается. И оценивать его приходится однозначно: мягко говоря, в этот год театр промолчал. Конечно, в известном смысле подобное заявление — некая игра слов. Актеры и режиссеры работают, премьеры выходят, спектакли идут ежевечерне, зрителя так или иначе, но залы заполняют. Однако невидимая доселе шкура и правдивость исторической и социальной информации, которую буквально из месяца в месяц, из номера в номер обрушивают на нас газеты и журналы, то и дело сводят на нет стремление театра быть на уровне времени. И прежде всего тогда, когда он, пытаясь сказать свое слово о жизни, обращается к той стилистике, которая некогда была действительно плодотворной и приносила успех.

Да, было время, когда нашем на общественное неблагополучие жизни, критический, пусть подогущаемый, второй план постановки, который наиболее социально обеспокоенные театры по мере сил пытались, что называется, «протащить» на сцену, острота слова, фразы, иносказания, переложение ситуаций прошлого на наши дни, вызывали активный отклик зала: он понимал, что хотел, но не мог в открытую сказать ему театр. Но вот настал момент, счастливый для всей жизни в целом, и для будущего искусства в частности, когда всего этого оказалось катастрофически мало. Показательны в этом смысле такие, к примеру, спектакли, как «Дневники королевы» А. Володина в «Эрмитаже», «Седьмой подвиг Геракла» М. Рощина в «Современнике-II», «Второй год свободы» А. Буравского у ермоловцев, «Клаустрофо и этот, как его...» С. Алешина из Малой Бронной. Эзопов язык этих произведений, который без труда расшифровывается зрителем, оказался сегодня на удивление беден и безобиден. События многоценной давности или фантазии на тему тоталитарного государства, проецируемые на современную действительность, не рождают у зала той активной гражданской и эмоциональной реакции, на которую еще вчера могли твердо рассчитывать и драматург, и театр. Сценическая притча с многозначительной моралью рядом с той суровой откровенностью рассказа о современной действительности и нашей истории, которой сегодня наполнена наша печать, воспринимается лишь как претенциозная литературная игра.

Идя по этому пути, театры явно проигрывают, ничего по сути не говоря о жизни, но, скорее даже, демонстрируя определенную боязнь углубляться в ее подлинно сложные ситуации и проблемы. Многозначительный призыв, который на подобных спектаклях как бы адресуется залу — догадайся, мол, сам, — остается без ответа.

Не слишком преуспели пока театры и в отражении текущей действительности через передатки внешней и внутренней жизни человека. На сегодняшней сцене наша современность в силу разных причин не находит при своем воплощении ни подлинной глубины, ни весомых психологических мотивировок, ни сколько-нибудь определенного гражданского рельефа. В центре спектаклей на современную тему, которые нет-нет, но все-таки появляются на нашей сцене, чаще всего оказывается частный случай, который не дает возможности подняться до уровня обобщения, осмысления связей и закономерностей действительности, социально-исторического анализа ее конфликтов и драм. Психологическая взаимный эскизом, не более, на тему дней нашей жизни стал спектакль «Колесо» В. Арро на Малой сцене МХАТа в проезде Художественного театра. Увлечено разыгрывают актрисы «Современника» этюды на тему падших женщин в спектакле «Звезды на утреннем небе» А. Галина, но все постановки в целом, вся система ее образов, их связь и смысл пребывания на сцене не дают углубленного анализа социальных причин существования этого «дна» нашего общества. «Женский стол в охотничьем зале» В. Мережко в Театре имени К. С. Станиславского по внешним атрибутам тоже может быть причислен к современным. Но весь его строй, сюжет, конфликт носят столь умозрительный характер, что не так легко уловить в происходящем в спектакле драматизм современности.

Не стоит забывать — все эти пьесы написаны не сегодня. И еще вчера, поставленные на сцене, они могли бы стать первооткрывателями многих серьезных, болевых явлений нашей действительности. Но сейчас, в иной общественно-политической атмосфере, спектакли по этим произведениям уже мало кого поражают своей тематической остротой, а их общий художественный уровень, скажем прямо, оставляет желать большего.

Говорит, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Иные театры отлично пытаются это опровергнуть, обратившись к реставрации давних спектаклей. Т. Доронина, возглавившая труппу МХАТа на Тверском бульваре, показала «На дне» и «Три сестры» — некогда легендарные постановки К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. За всем этим, видимо,— определенная позиция: и социально-исторически, и эстетически. Но, видимо, тем же результаты подобных усилий при всем их благородстве, к сожалению, не достигают уровня оригиналов — об этом уже писалось. И хочется только присоединиться к тому мнению, что вряд ли может увенчаться безусловным успехом идея полноценного воспроизведения некогда знаменитой постановки, коль скоро делается она в совсем иное время и совершенно иными силами.

Можно довольно долго перечислять новые спектакли сезона — они есть почти, только почти! — в каждом театре. Но все дело в том, что на одна премьера года не стала по-настоящему значимым событием, которое всегда так желательно для театра и ожидаемо зрителем. Не оказалось в сезоне той режиссерской и актерской работы, которая заставила бы говорить о себе. В общественном резонансе трудно ошибиться. Он, кстати, ничего общего не имеет с аншлагом. Режиссер может сколько угодно указывать на кассовый успех своей постановки. Он может сколько угодно утверждать, что равнодушен к любой критике. Заметим, что равнодушны обычно бывают к нелицеприятной критике, которую на театре принято сегодня особенно дружно ругать. И тем не менее общественное мнение, как бы оно ни было выражено — в рецензии, в обзорной статье, в публицистическом очерке, просто зрительском отклике,— свидетельствует о том, что цепкое хозяйство в целом не дало на этот раз поводов для обстоятельного, острого, проблемного разговора о себе. Да, и театральная критика из сегодняшней день не блещет. Но где те спектакли, которые дают возможность соотнести увиденное на сцене с тем, что существует рядом, которые бы расширяли, обогащали наше представление о жизни и человеке, которые заставляли бы думать, сомневаться, спорить, которые бы свидетельствовали о неисчерпаемых возможностях театрального искусства, наконец?

Не было на театре того значительного явления, которое бы получило широкий резонанс. За весь прошедший сезон только пьеса М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!» попала в центр общественного внимания. Напиханная с подоплекой сегодняшних интересов, говорящая свое слово о прошлом страны, она сразу же оказалась в эпицентре современной схватки, как лакмусовая бумажка выявляя позиции тех, кто обратился к ее анализу, разводя людей по разные стороны баррикады. Она стала в один ряд с теми литературными произведениями, которые задевают, тревожат, пробуждают социальную активность, оттачивают публицистическое перо, расширяют наше представление об историческом прошлом страны и ее пути к завтрашнему дню. Но самое при этом выразительное — драма М. Шатрова до сих пор больше обсуждается, чем ставится.

Можно с полным основанием утверждать, что та новая реальность, та действительно революционная ситуация, в которой нам выпало жить и работать, пока не переступила театральный порог. Исключение — одна из последних московских премьер — «Торможение в небесах» Р. Солнцева в Театре имени Моссовета. Если говорить откровенно, то успех у зрителя этой работы театра объясняется не столько ее художественным уровнем, сколько общественно-политической злободневностью. И как же активно отклинается зал на то, что происходит на сцене! Спектакль откровенно и правдиво говорит о том, что всех сейчас волнует и задевает, — о столкновении идей перестройки с реально существующими силами сопротивления им, о хитроумных методах борьбы бюрократического аппарата на местах с процессом общественного обновления.

...Уже довольно длительное время бытует у нас мнение, что в той неторопливости, которую проявляют ведущие театральные практики в отношении современной тематики, есть свой резон. Есть этому и свое объяснение. Искусству, дескать, вообще трудно угнаться за публицистикой, да и не к лицу ему такая спешка. У него свои, далекие от газетной суматошности взаимоотношения с жизнью и человеком, его судьбой и нравственным личностным миром. Верно, свои. Верно и то, что художник должен размышлять над закономерностями бытия, проникать в его глубины, прогнозируя и предугадывая, а не просто отражая сиюминутные приметы времени. Верно, что жизнь человеческого духа понять пословнее, чем бытовые реалии повседневности. Существен и еще один аспект. За многие годы мы как-то привыкли к тому, что искусство, которое умело мгновенно откликаться на политическую ситуацию того или иного момента, как правило, носило откровенно конъюнктурный характер. Сегодня подобное, к счастью, явно не в чести. За скоросшитый полуфабрикат трудно ожидать не только государственную награду, но и простое начальственное благоволение, не говоря уже о зрительском интересе. И, очевидно, те драматурги, которые как говорится, набили себе руку на таком малоходовственном отклике, находятся в растерянности. Те же, кто к собственному творчеству относится с уважением, предъявляя себе немалый счет, выжидают, выпашивают идеи, а может быть, уже и приступили к работе. С пьесы начинается сценическая практика, но пока, если по гамбургскому счету, идет в руках у театра современного драматического произведения. Молчат многие наши драматурги, те, кто совсем недавно определял театральную афишу страны. Молчат Розов, Салынский, Зорин, Гельман...

И кажется, что может быть естественней — молчит драматург, молчит и театр. Но прямой зависимости здесь никогда не было. К какому только слову он обращался театр, коль скоро, не находя искомого у драматурга, тем не менее хотел говорить о жизни, разбираться в ней. «Вытравливались», углублялись, по-новому осмысливались пьесы, пусть не очень высокого художественного уровня, но касающиеся, так или иначе, важнейших тем времени. Шли инсценировки, литературные композиции, выбирались созвучная моменту классическая драма. Способов обнародовать свою идейно-художественную позицию, высказать свое отношение к действительности у нашего театра при желании находилось множество. Как ни парадоксально, но в застойное время вполне осознанное стремление наших лучших, передовых художников сопротивляться, противостоять ему рождало творческую энергию, стимул к работе и прекрасные, высокие образцы художественного творчества.

В основе драматического искусства всегда лежит конфликт. И не просто между сценическими героями, но прежде всего между самим художником и определенными социальными явлениями, общественными силами. Думается, что внутреннее сопротивление административному нажиму, протест против «социального оптимизма» в условиях общественного застоя, необходимость идти на риск, чтобы высказать правду об окружающей действительности, словом, та драматическая борьба, которую вынуждено было вести передовое искусство за право быть честным перед народом и собой,— все это рождало тот гражданский темперамент, тот эмоциональный накал, которые многим сценическим произведениям прошлых лет давали страсть в силу. Об уроке иных, давних, спектаклей сегодня приходится вспоминать почти что с завистью.

Конечно, давно замечено, что любое искусство, в том числе и театральное, непредсказуемо. То нет вроде бы ничего значительного, то вдруг — вот он, шедевр! Но ведь это только кажется, что вдруг. Литература сегодня явила читателю поистине великолепные образцы творчества. За ними — веление совести, бесконечная ответственность художника перед временем и человеком, бесстрашное, всеприемлемому, умение говорить от себя, стремление проникнуть в тайное тайн бытия и бесконечный труд. Заметим, зачастую полностью бескорыстный, мы писатель не всегда даже мог надеяться, что его произведение увидит свет.

Действительно, спектакль не отложишь в долгий ящик до лучших времен. Его, даже если он категорически кому-то неугоден, не спрячешь, не утаишь. Театр — общественная трибуна, и далеко не только потому, что ежевечерне выходит на встречу с сотнями зрителей. Легенды складываются вокруг тех постановок, а среди них были поистине выдающиеся, которые закрывались, снимались, изымались из репертуара. Спектакли эти, пусть нередко и не доходившие до широкого зрителя, тем не менее театрами были осуществлены и становились фактом общественной жизни.

Вспоминая все это, с чувством известного недоумения оглядываешься на заканчивающийся сезон. Совсем недавно такая была страсть, такое упорство в отстаивании своих прав, свободы действия. Такое ликование при подытоживании успехов. А ныне — тишайший из сезонов. Что за этой тишиной — усталость, переменка, накопление сил? Или некая растерянность перед невиданным доселе напором современности с ее новыми задачами, конфликтами, пафосом, осмыслением трагедий былого? Вряд ли стоит сейчас искать точные ответы на подобные вопросы. На них сможет ответить только дальнейшая работа наших театров.

Г. ДУБАСОВ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
19 МАЙ 1988